

ГОВОРИЮ О СЕБЕРЕ

Я живу, где короче пословицы лето,
Где осенняя хмарь тяжелее свинца,
И рассвет, за который зимой сигарету
Не успеть докурить до конца.
Край глубоких снегов и увесистых ветров,
Ты Полярной звездой круглый год сиян.
По широким ладоням глухих километров
Расплескался лесной океан.

Где-то в море купаются краски заката,
Где-то горы пронзают насквозь облака,
Только северный край мне с рожденья – за брата,
За сестру – голубая тайга.
И с любителем моря я мог бы поспорить –
Не теснее морского таёжный простор!
И что воздух таёжный чего-нибудь стоит,
Доказал бы приверженцу гор!

Что не так уж страшны здесь снега и метели,
И не так беспощаден январский мороз.
Что букетик подснежников в звонком апреле
Нам порой драгоценнее роз.
Я не прочь познакомиться с горным Кавказом
И считаюсь своим человеком в Крыму,
Только к северу накрепко сердцем привязан
И за это спасибо ему!

ПЛАНИДА

Я не выстроил дома на этой планете
И в полях не провёл ни одной борозды.
Прожил жизнь кое-как, в суете не заметив,
Что она мимолётна, как вспышка звезды.

Но звезда непременно кому-то светила
До того, как сгореть и с орбиты упасть.
Мне же многое кажется в жизни постылым,
Или сам я, быть может, пришёлся «не в масть».

Непонятно, зачем существую на свете,
Коль хором не возвёл и не взялся за плуг...
Пара книжек стихов, повзрослевшие дети –
Вот и весь мой реестр человечьих заслуг.

Нас бросает планида то влево, то вправо,
То взмываем в зенит, то срываемся вниз...
Жизнь свою оценить можно даже на «браво»,
Но, увы, повторить невозможно на «бис».

Чтоб светить, как звезда, надо ею родиться,
Этим словом зовётся не всё, что горит.
Апогея достичь суждено единицам:
Слишком мало у Бога высоких орбит.

Отдаваясь своей ненавязчивой лире,
Я в былом не жалею почти ни о чём.
И надеюсь, что в этом обманчивом мире
Всё же был для кого-то приветным лучом.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Вокруг – засилье импортного шума...
Я счастлив, что в таком кавардаке
Способен говорить, писать и думать
На богатейшем в мире языке!
Наш рубль загмили доллары и марки,
Но я не сомневаюсь ни на миг:
Останется блистательным и ярким
Великий и могучий наш язык.

Ни на один из прочих не похожий,
Для графоманов очень непростой –
Родной язык быть пасынком не может,
На нём творили Пушкин и Толстой.
Пусть не спешат с иронией невежды,
И полиглоты скромно помолчат.
Слова «свобода», «родина», «надежда»
Нигде так полновесно не звучат.

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ПАМЯТЬ

Бездуховность и лень – это наша беда.
Нам удобно в фарватере истин избитых.
Перестаньте себя утешать, господа:
Мол, никто не забыт и ничто не забыто.

Если речь про некрополь Кремлёвской стены,
Там генсеки и маршалы – все без потери.
Что касается жертв самой страшной войны,
То в «никто не забыт» лишь безумный поверит.

В «Книге памяти» множество белых страниц,
Остаются загадками тысячи «если».
А на стареньких кладбищах сёл и станиц
Нет могил земляков, что бесследно исчезли.

Мы не в силах отсечь бездуховность и лень,
Будто спаяны с ними стальными цепями,
Хоть в ответе не только за будущий день,
Но за всё, что вмещает понятие п а м я т ь.

Далеко позади огнедышащий ад.
Время льётся дождём, как в бездонную бочку.
И пока бесприютен последний солдат,
Рано в памяти ставить последнюю точку.

ЛУННАЯ СОНАТА

Бесшумно вечер к берегу прильнул,
Раскинув в море сеть узоров звёздных.
И лунный диск взошёл на караул,
Отшлифовав до блеска синий воздух.
Ликует и волнуется прибой,
Домчавшись до знакомого порога.
И протянулась лунная дорога
По синеве серебряной струной.
Уткнулся в море сонный небосклон,
Резвится в танце ветер-непоседа.
А лунный берег с бирюзой волн
Ведёт неторопливую беседу.
Неповторимой музыке сродни
Подлунный мир, просторный и крылатый.
Не потому ли так созвучна с ним

Бетховенская «Лунная соната»?
Мне кажется, что в ней отражены
Мелодии земли и песни моря,
Торжественная поступь тишины
И говор птиц в распахнутом просторе;
С далёких звёзд летящие лучи
И горизонт, глотающий закаты...
Замри, мгновенье! Ветер – замолчи!
В эфире синей вечности звучит
Божественная лунная соната.

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Когда на сердце пусто и тоскливо,
И есть в общении острая нужда,
И каждый нерв почти на грани срыва, –
Какое счастье друга в гости ждать!
Его слова: «На пару дней приеду!» –
Ну, это ли не радостная весть!
Друг – редкий гость, и наши с ним беседы
Мне никогда не могут надоесть.
Не вижу в том особого прельщенья,
Что «под рукой» всегда есть телефон –
Сей аппарат лишь средство для общенья,
Глаза и душу не заменит он.
Пусть для кого-то это сантименты,
Но жить без них практически нельзя.
По телефону – мы лишь абоненты,
А рядом – душевные друзья.
Я отродясь в счастливицах не числюсь,
Но на два дня вполне могу им стать.
Мне хорошо до чёртиков от мысли,
Что есть возможность друга в гости ждать.

* * *

Русь уходит корнями
в бездонные недра столетий,
Из которых энергия
бьёт непрерывным ключом.
Разве можно найти
ей подобную землю на свете,
Что не раз проверялась
на прочность огнём и мечом?!
Я в сердечных делах
далеко не мастак объясняться,
Но нередко себя
на нечаянной мысли ловлю,
Что России готов
в самых искренних чувствах признаться,
Потому что её
при любой непогоде люблю!

ЖУРАВЛИ НАД ПОЛЕМ

Кажется я, братцы,
Ностальгией болен.
Мне всё чаще снятся
Журавли над полем.

Поле чисто сжато.
Рожь не колосится.
И в лучах заката
Улетают птицы.

Я иду, волнуясь,
Полею этим длинным
И не налюбуюсь
Клином журавлиным.

Впереди у клена
Дальняя дорога.
Грустная картина,
А в душе тревога.

Скоро над полями
Вьюги закружатся.
Жалко с журавлями
Сердцу расставаться.

Над безлюдьем пожен
Приуныли ели.
И шепчу я: «Боже!
Хоть бы долетели!»

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Года бегут, как кони под уклон.
Всё хуже сплю. Всё реже выпиваю.
Пuls времени настолько учащён,
Что я за ним уже не поспеваю.

У времени нет времени стоять.
Оно, тысячелетия рождая,
Не знает виражей, не ходит вспять
И puls его с моим не совпадает.

Ремесленник пера и топора –
Могу забыть про отдых и про завтрак.
Но то, что сделать должен был вчера,
Я вынужден откладывать «на завтра».

На время не набросишь удила,
Его не укротить, не обесточить.
До завтра можно выключить дела
И только смертный час нельзя отсрочить.

РАЗДУМЬЯ

Опадает листва
в полусонной берёзовой роще,
Утомлённое солнце
готовится в спячку залезть...
Пепел прожитых лет
с каждым годом становится толще
И нельзя отряхнуть
эту тяжесть с нагруженных плеч.
Меж бесформенных туч
пробивается редкая просинь.
Опечаленный тополь
отпраздновал лето и сник.
Впереди остаётся
всё меньше живительных вёсен,
И не знаешь которая
станет последней из них.

В этом двойственно мире
всё зыбко и слишком не прочно.
Нет надёжных преград
беспределу, интригам, вражде...
Наплевать мне на то,
что дурёха-кукушка пророчит, –
Я ей верю не больше,
чем блефу речистых вождей.
Никогда не жалел,
что родился вдали от столицы, –
Значит, так уж Всевышним
написано мне на роду.
Я не пыль на ветру –
крепко связан с родимой землицей,
На которой живу
и в которую с миром уйду.

Не питаю к судьбе
ни обид, ни претензий, ни злости.
Строил жизнь, как умел,
не приемля вожжей и удил.
Я давно «застолбил»
тихий угол на сельском погосте
Под эгидою сосен,
что в память о сыне сажил.
Над седой головой
ветер времени яростно свищет.
Одинокие звёзды
мерцают в таинственной мгле.
Я в раздумьях стою
на краю своего пепелища
И пытаюсь понять, –
что я значу на этой земле.